
ТЕОРИЯ

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК И ЭПОХА ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА**

Гринин Л. Е.***

Автор высказывает идеи относительно того, что именно и почему должно измениться для формирования нового мирового порядка, в каком направлении и как этот новый порядок будет формироваться, каковы могут быть принципы этого порядка и возможные механизмы его установления. Автор исходит из того, что в последние несколько лет началась реконфигурация Мир-Системы, что означает довольно длительный период турбулентности, а в целом своего рода переходную эпоху от активного формирования новых коалиций к более устойчивому новому мировому порядку, установление которого будет сложным.

Ключевые слова: мировой порядок, глобализация, суверенитет, турбулентность, новые коалиции, мировой баланс сил, новый баланс сил, ослабление США, сверхдержава, санкции, Мир-Система, советы экспертов, наднациональные союзы, ТНК.

The author argues what and why should change for the formation of the new world order and what will be the directions and patterns of the formation of this new world order as well as what will be the foundations of this world order and possible mechanisms of its establishment. The author proceeds from the idea that in recent years there has started a reconfiguration of the World System which will bring a rather long-term period of turbulence but also a certain transition from an active formation of new coalitions to a new and more stable world order whose establishment will proceed with certain difficulties.

Keywords: world order, globalization, sovereignty, turbulence, new coalitions, global balance of power, new balance of power, weakening of the USA, superpower, sanctions, World-System, expert councils, supranational units, TNC.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-30063).

** Статью первую см. в предыдущем номере журнала «Век глобализации», с. 3–17.

*** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., главный научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», шеф-редактор журнала «Век глобализации». E-mail: lgrinin@mail.ru.

Напомним, что в первой статье речь шла о том, как формировался, развивался и начал ослабевать современный мировой порядок, основанный на американской гегемонии. В ней мы пришли к следующим важным выводам: 1) Баланс сил в мире стал сдвигаться в результате экономического и демографического ослабления развитых стран, включая США, и усиления многих развивающихся стран в целом ряде аспектов. 2) Это должно привести к формированию нового мирового порядка, хотя данному процессу будет сопутствовать ряд трудностей. 3) Новый порядок будет миром без единоличного лидера. 4) Период перехода к новому порядку будет экономически трудным и депрессивным, в политическом плане – турбулентным и периодически конфликтным.

В настоящей статье показано, почему мировой порядок должен измениться, что именно должно измениться, какие этапы может пройти человечество на пути к новому мировому порядку, каковы могут быть принципы этого порядка и возможные механизмы его установления.

1. ПОЧЕМУ МИРОВОЙ ПОРЯДОК ДОЛЖЕН ИЗМЕНИТЬСЯ

В первой статье мы кратко рассмотрели историю мирового порядка [подробнее см.: Grinin *et al.* 2016]. Любой мировой порядок держится на какой-либо системе баланса сил. Когда мировой порядок меняется (примерно раз в 3–4 десятилетия), его смена связана с изменением *баланса сил*. Баланс нарушается не случайно, но в связи с различными технологическими, экономическими или геополитическими обстоятельствами. Поэтому чаще всего политические (военно-политические) трансформации – это уже результат изменений в экономике, технологиях, демографии и т. д.

Таким образом, сначала рассмотрим причины и направление вероятного изменения баланса сил. Соответственно, наши прогнозы строятся вокруг будущего баланса. Необходимо четко различать два аспекта проблемы. Первый – объективные причины и тенденции, которые делают процесс изменения неизбежным (гегелевско-марксов «старый крот» истории, который роет медленно, но хорошо). Второй – конкретный ход событий и борьбы, предугадать который крайне сложно. США, уходящий гегемон, будут бороться за свое положение, используя весь свой опыт и огромную мощь, что может существенно тормозить процесс смены порядка и даже временно обращать его вспять. Но изменить ход событий радикально для США возможно только в случае, если они смогут вновь увеличить свою долю в мировом ВВП и других показателях, что пока видится малореальным. И напротив, мы полагаем, что тенденция (пусть с колебаниями) более быстрого экономического роста развивающихся стран по сравнению с развитыми будет доминировать в ближайшие два десятилетия. И это способно необратимо повлиять на изменение мирового порядка.

Чтобы лучше аргументировать нашу идею, что США и Западу вряд ли удастся изменить ход событий, рассмотрим в динамике основные преимущества, которые позволяют сегодня поддерживать гегемонию Запада. Их четыре: финансовое, технологическое, экономическое и военное превосходство.

Финансовое преобладание – одно из самых главных преимуществ Запада, которым могут пользоваться в том числе и для обрушения соперников. По объему оборачиваемых капиталов, мощи финансовых и банковских корпораций, стоимости активов и т. п. западные страны превосходят остальные государства едва ли

не в той же степени, как ранее превосходили их в промышленном развитии. Также исключительно важным преимуществом западных стран являются свободно конвертируемые валюты. По мнению П. Кругмана [2013], странам с такими валютами можно не заботиться об объеме эмиссии и долгов. Действительно, в какой-то степени рост экономики Запада с 2008 г. в основном обеспечили именно финансовые технологии.

Преимущества западной валютно-финансовой системы являются важной частью современного мирового порядка. В какой-то мере в последние два-три десятилетия возникло новое разделение труда в мире: финансовая деятельность сосредоточилась в США и западных странах, а промышленное производство (в том числе и в обрабатывающих отраслях) в большей степени перешло в развивающиеся страны. Но этот разрыв в финансовой сфере будет сокращаться, как по причине того, что рост экономик развивающихся стран требует соответствующей финансовой базы, так и потому, что раньше или позже значимость валют и финансовых центров этих государств возрастет. Сегодня западные экономики находятся между Сциллой слабого экономического роста с низкими ставками и Харибдой сверхзадолженности, которая может грозить государственным дефолтом. Это своего рода ловушка, выход из которой затруднен. В целом, пытаясь за счет роста государственного долга и всякого рода финансовых технологий (количественного смягчения, нулевых и отрицательных ставок) поддержать экономику, западные страны начали «проедать» свое финансовое превосходство¹. Финансовая глобализация в отличие от индустриальной и торговой долгие годы оставалась более выгодной западным странам. Представляется, что в ближайшее десятилетие может начаться дефинансация Запада, связанная с некоторым перераспределением финансов в пользу рынков развивающихся стран (но это процесс непростой).

Все это, особенно в связи с новыми финансовыми кризисами (которые неизбежны и могут обрушить надувшиеся «пузыри» акций и облигаций), рано или поздно приведет к тому, что система международных расчетов, основанная на долларе, начнет трансформироваться, и это будет хорошей возможностью для изменения мировой валютной системы в целом². А с этим, естественно, уменьшится и превосходство Запада.

Технологическое превосходство. При сохраняющемся превосходстве Запада уровень его технологического отрыва все же уменьшается и будет уменьшаться за счет следующих тенденций. Во многих крупных корпорациях и научных лабораториях работает большое количество ученых и технических специалистов из развивающихся стран (которые соответственно становятся носителями инновационной информации и технологии). Многих специалистов приглашают развивающи-

¹ Мы назвали кризис 2008 г. кризисом перепроизводства денег [Гринин 2009а]. Это подтверждается в существенной мере. Сегодня главная проблема – отсутствие выгодных и/или безопасных вложений для гигантски увеличившихся с 1990-х гг. денежной массы и денежных производных инструментов. Минами замедленного действия становятся финансовые системы целого ряда стран, вошедших в западный валютно-финансовый блок, но не имеющих столь же высокоразвитой системы, как в Германии, которые создают большие риски кризиса (Греция и страны Южной Европы тут показательны). Ситуация усугубится в связи с планируемым включением новых стран со слабой финансовой системой в союзы с США (см. ниже).

² Кризис 2008 г. уже ясно обозначил такой тренд, хотя еще и не сделал его достаточно сильным. Тем не менее усиление юаня и других валют БРИКС в МВФ, хотя оно и не вносит каких-то серьезных изменений, достаточно показательно.

еся страны, другие сами охотно ищут такие вакансии, поскольку на Западе вакансий недостаточно. Такие страны, как Китай, стали активно приобретать целые корпорации с их технологиями. Китай и другие более продвинутые развивающиеся страны несут технологии в менее развитые общества. ТНК вынуждены переносить все больше технологий в развивающиеся страны и частично развивать в них научные исследования. И чем больше продвинулись развивающиеся страны в культурно-научном отношении, чем больше там будет квалифицированных научно-технических кадров, тем активнее пойдет процесс переноса в них части исследований (что намного дешевле в отношении зарплат). Произойдет нечто похожее на перенос промышленных предприятий.

Что же касается новых технологических прорывов, мы уже высказывали свои предположения, что новая мощная технологическая волна начнется в 2030–2040-е гг. [см.: Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2015]. И от того, кто возглавит («оседлает») новый технологический уклад, во многом зависят и контуры нового мирового порядка, тем более если эти инновации конвертируются и в военное превосходство. Разумеется, США имеют большие шансы удержать свое лидерство в мире. Однако мы не исключаем, что прорыв к новым технологиям произойдет на стыке первого и третьего миров, в каких-нибудь ТНК, принадлежащих одновременно и метрополии, и периферийным странам (что, кстати, будет вполне логично для глобального мира).

Однако даже в случае нового технологического рывка на Западе этим обществам с ограниченными трудовыми ресурсами и населением, которое все более отвыкает от работы на промышленных предприятиях, будет сложно развернуть какие-либо новые инновационные массовые производства только в собственных государствах. И тогда либо начнется новый виток деиндустриализации, когда оставшаяся индустрия будет сворачиваться и переводиться за рубеж (что опять-таки усилит развивающиеся страны), либо часть инновационных производств начнет разворачиваться в развивающихся странах. То есть даже если технологический отрыв Запада произойдет вновь, он не будет столь сильным и фатальным, как случалось ранее.

Экономическое превосходство Запада в настоящий момент выражается в более высоком уровне организации и производительности труда, доходов на душу населения, общей трудовой и деловой культуре. Однако этот разрыв все же постепенно сокращается, поскольку производительность труда в развивающихся странах растет существенно быстрее, чем в развитых. Мы полагаем, что такая тенденция будет продолжаться еще заметное время. Дело в том, что в первых огромный рост производительности идет за счет притока сельского населения в промышленность и строительство, постепенной механизации сельского хозяйства. А в западных странах основные рабочие места создаются в сфере услуг, где рост производительности труда не слишком велик. При этом часть сферы квалифицированных услуг (программирование, менеджмент, бухгалтерия и т. п.) уходит в развивающиеся страны через информационные каналы (особого рода аутсорсинг, когда услуги оказываются людьми на удалении). В результате в западных странах у очень большой части населения уровень доходов относительно низкий (ведь работа не слишком квалифицированная), и он не увеличивается или растет медленно, что приводит к постепенному размыванию среднего класса. Последний ранее был основой стабильности общества в развитых странах. Теперь

же разрыв в доходах в обществе увеличивается (что достаточно опасно), а в развивающихся странах постепенно уменьшается, так как средний класс растет.

Резко повысить производительность в сфере услуг (например, за счет ее роботизации) если и возможно, то в отдаленном будущем, но и это в лучшем случае лишь могло бы помочь решить проблему сокращения рабочей силы в результате старения и несколько повысить доходы. Но в целом даже такие прорывы не смогли бы переломить ситуацию с сокращением разрыва между развивающимися и развитыми странами. Уже сам по себе огромный растущий рынок развивающихся стран при неизбежных колебаниях, откатах и кризисах³ обеспечит тренд на экономический рост, рост производительности и благосостояния их населения, хотя последний потребует нескольких десятилетий.

Кроме того, заметно перестраивается экономическая структура связей в Мир-Системе. Хотя основные экономические связи быстрорастущих развивающихся стран направлены в центр Мир-Системы (где наиболее богатые потребители), возникают уже определенные подсистемы связей, которые ориентированы на развивающиеся же страны. Например, особая система сложилась в районе Китая с целым рядом больших и малых развитых государств, где Китай начинает играть важнейшую роль [см. также: Глазьев 2015: ч. 3]⁴. Также можно указать на страны АСЕАН, с которыми активно развивает отношения, например, Индия [Галищева 2014], и в систему которых активно пытаются включиться США. Полагаем, число такого рода подсистем будет увеличиваться, а их роль расти. Соответственно экономическая структура Мир-Системы начнет перестраиваться, роль нынешнего ядра – уменьшаться.

Военное превосходство исключительно важно, оно позволяет проводить, выражаясь политическим жаргоном прошлого века, «дипломатию канонерок» и «политику большой дубинки», безнаказанно осуществлять карательные акции, наказывать непокорные режимы и т. п. Но все же военная сила в современных условиях не тот инструмент, с помощью которого можно пытаться решить геополитические задачи в мировом масштабе. Кроме того, даже локальные войны в условиях глобализации рикошетом бьют по западным странам. Опять же достаточно тем или иным государствам иметь хотя бы потенциальную возможность наносить ущерб армиям США или их союзников (для чего не нужен даже военный паритет), как военное превосходство уже перестает быть «последним доводом». Поэтому мы считаем, что для изменения баланса сил достаточно сокращения финансового и экономического неравенства между первым и третьим мирами.

Преимущества развивающихся стран. Третий мир начал движение к развитию, и его уже не остановить. И с учетом громадного населения третьего мира это движение не может не быть грандиозным. Незападный мир составляет 6/7 всего населения мира и, что особенно важно, еще большую часть молодого населения мира (там живет примерно 7/8 молодежи мира). Развивающиеся экономики все заметнее настраиваются на рост, а население – на повышение своего образовательного, культурного, экономического уровня. При этом множество стран, в которых проживает примерно четверть населения мира, пока мало затронуты

³ Подобных сегодняшнему, связанному с падением цен на сырьевые товары, или других.

⁴ Неудивительно, что США пытаются ослабить связи многих стран с Китаем, создавая новое Транстихоокеанское объединение (см. ниже).

стремлением к росту и улучшениям. Однако большинство из них рано или поздно осознают его необходимость. А в странах, которые уже начали свой подъем, до половины жителей придерживаются архаичного образа жизни. Иными словами, основная часть населения развивающихся стран фактически еще не включилась в подъем, в активное стремление к росту, заработку, повышению квалификации. То есть резервы роста здесь огромные.

Такое включение будет более массовым уже на уровне поколения, которое сейчас молодо, при этом разрыв в численности молодежи между первым и третьим миром будет увеличиваться. Волна за волной будут подниматься развивающиеся страны. Многие из этих стран уже сегодня превосходят по населению Германию и приближаются к Японии (например, Вьетнам с 93 млн человек или Эфиопия с 96 млн), а другие превосходят Японию, составляя от половины или трех четвертей населения США (318 млн), как Бангладеш (166,3 млн), Индонезия (253,6), Нигерия (177,3 млн). Не говоря уже об Индии с ее 1,3 млрд человек – больше, чем во всех развитых странах, вместе взятых. И население это будет еще расти заметными темпами.

Также следует иметь в виду, что рождаемость в этих странах быстрее или медленнее сокращается. Следовательно, с одной стороны, какое-то время за счет подрастающих детей, численность молодежи трудовых ресурсов будет увеличиваться, но число детей сократится, то есть иждивенцев станет меньше, а работающих больше (тем более что женщины, имеющие меньше детей, могут пойти работать). Это создает так называемый демографический дивиденд. Развитые страны (и Китай) его уже истратили, зато у многих развивающихся стран будет наиболее благоприятное соотношение работающих иждивенцев. А пожилых людей еще будет не очень много⁵. Указанная ситуация будет способствовать росту душевного дохода. Таким образом, демографический аспект делает во многом неизбежным «подтягивание» развивающихся экономик по уровню к развитым, а в валовом отношении – к тому, что доля развивающихся стран станет существенно больше, чем развитых.

В то же время проблемы обеспечения пожилых и престарелых на Западе будут только возрастать [см.: Гринин, Коротаев 2015].

Итоги первого раздела. В долгосрочном плане в условиях глобализации и все более тесного взаимодействия экономик, роста значимости ТНК и финансовых потоков в целом именно объемы производства и совокупная экономическая и демографическая мощь будут все заметнее определять баланс сил в мире и влияние на формирующийся мировой порядок. Взгляды бизнеса Запада (прежде всего их ТНК) в условиях стагнирующего численно и стареющего населения будут неизбежно обращены на растущие рынки и увеличивающееся число потребителей в развивающихся странах. Значит, будет продолжаться перенос (в разной форме) экономической деятельности в развивающиеся страны. Вместе с активизацией экономических и финансовых стратегий растущих стран это делает неизбежным изменение также баланса сил и правил мирового порядка. Не следует забывать и об условно «пятой колонне» в населении развитых стран (то есть выходцев или потомков выходцев из развивающихся стран). К этому времени их будет очень много, а их

⁵ Проблемы безработицы мы не касаемся, но ясно, что она при всей ее остроте будет в то же время способствовать и активному развитию производства, и притоку производительного капитала, то есть экономическому росту.

влияние на общую культурную ситуацию в Европе и США, на политику и на связь со странами выхода возрастет⁶. И это может стать дополнительным крупным козырем развивающихся стран (плюс передача культуры, технологии и валюты от них).

II. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД И ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Проблема национального суверенитета. Переходный период всегда содержит в себе множество противоречивых тенденций и интересов. Возьмем, например, процесс трансформации национального суверенитета, о чем мы уже писали на страницах настоящего журнала [Гринин 2008]. В условиях глобализации тенденция к сокращению суверенных прерогатив, многие из которых отдаются добровольно (например, при вступлении в различные наднациональные объединения, мировые соглашения и т. п.), объективна. Это должно было бы также способствовать и установлению нового мирового порядка. Однако последний является сложным и часто деструктивным процессом, в котором прогрессивные тенденции часто начинают выступать в роли нового орудия эксплуатации. Так случилось и с суверенитетом. Его сокращение в ряде областей (особенно финансово-экономической) стало не только поощряться, но и активно навязываться и даже прямо подрываться (через разные формы и силы) США и другими западными странами, поскольку это резко усиливает возможность их влияния на соответствующие государства и их объединения⁷. Однако в настоящий момент наблюдается некоторый пересмотр отношения к суверенным полномочиям, поскольку целый ряд стран начал активно отстаивать свой суверенитет в связи с угрозой внутренней нестабильности, идущей от США. Но эта борьба за сохранение вроде бы старых институтов на самом деле означает уже борьбу за новый, более правильный мировой порядок.

Создание новых транснациональных союзов. ТНК и метрополии. Новая ставка США для сохранения гегемонии связана с созданием нескольких глобальных объединений, где Соединенные Штаты надеются доминировать и использовать ресурсы входящих в них государств себе на пользу. Это Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство между США и Евросоюзом (ТТИР); Транстихоокеанское партнерство (ТТП); договор по торговле услугами (Trade in Services Agreement, TISA). Последнее ведется в обстановке секретности. В октябре 2015 г. было объявлено о подписании Транстихоокеанского партнерства. Но это соглашение еще требуется ратифицировать. В отношении двух остальных пока много споров по условиям и есть сомнения, что их подписание вообще состоится. Тем не менее при поиске компромиссов рано или поздно они могут быть подписаны, объединив в этом случае страны, производящие от 1/2 до 2/3 мирового ВВП (соответственно по паритету покупательной способности или по номиналу). В этом случае США могут получить определенные, хотя и не слишком уж

⁶ В целом мы полагаем, это будет одновременно снижать общий уровень в развитых странах, но способствовать их конвергенции с развивающимися.

⁷ Однако они и сами подвержены такому влиянию. В частности, США пытаются оказывать давление на высшие органы ЕС (и лидеров его ведущих членов), поскольку таким образом удобно ограничить суверенитет единой Европы, уже сосредоточившей в своих руках значительную часть суверенитета своих членов. Что касается самих Соединенных Штатов, то они пока недостаточно движутся в сторону добровольного уменьшения собственного суверенитета (и, как мы уже отмечали, именно коллизии вокруг этого составят интригу развития мирового порядка в дальнейшем). Однако ситуация меняется. И организация США новых глобальных союзов (см. ниже) так или иначе вовлечет и их самих в этот процесс.

большие, выгоды для себя. Однако мы согласны с выводами некоторых обозревателей [см., например: Hedges 2015], что эти соглашения скорее более выгодны ТНК США, чем американской экономике в целом. Американская экономика, напротив, может быть ослаблена расширением импорта и дальнейшим выводом производств из США. Так что выиграют, возможно, от этих партнерств больше всего такие быстрорастущие страны, как Вьетнам и Малайзия. Возможно также, С. Глазьев прав [2015: ч. 2], говоря об ошибочности «навязчивого стремления США к формированию тихоокеанской и трансатлантической зон преференциальной торговли и сотрудничества без участия стран БРИКС. США делают ту же ошибку, что и предыдущий мировой лидер – Великобритания, которая в пору Великой депрессии стремилась защитить от американских товаров свою колониальную империю протекционистскими мерами».

Сказанное дает возможность продолжить тему роли ТНК в непреднамеренном ослаблении Запада и усилении развивающихся стран (происходящем помимо воли ТНК, просто потому, что они ищут наибольшую прибыль). По сути, в настоящее время ТНК нельзя уже рассматривать как принадлежащие только Западу. Во многом они являются уже частью экономики и незападных стран. Происходит определенный «отрыв» этих гигантских корпораций от метрополии. Да, США и европейские страны по-прежнему могут воздействовать на них юридически в определенных отношениях (особенно в плане подключения к санкциям, соблюдения определенных правил, запретов на импорт технологий; подтасовывания статистики, использования рейтингов в политических целях, сотрудничества с разведкой). Все это является мощным орудием воздействия. Но санкции – это только небольшая, лишь более видная обществу часть объема деятельности этих корпораций. В подавляющем большинстве случаев они действуют свободно под влиянием тех импульсов, которые идут из разных секторов, рынков и движений. В этой связи представляется, что с некоторого времени (в частности, с начала деиндустриализации и так называемой финансовой революции, то есть с 1980-х гг.) интересы ТНК и стран-метрополий постепенно расходятся. Как известно, корпорации имеют собственные цели [Гэлбрейт 1976], часто отличные от общенациональных. Полагаем, что чем активнее будут расти незападные экономики и создаваться глобальные экономические объединения развитых стран с развивающимися, тем заметнее будет это расхождение между интересами ТНК и экономик их стран-метрополий. Другими словами, представляется, что ТНК будут привлекать рынки, чьи экономические возможности будут сулить им большие прибыли (поскольку корпорации имеют собственные цели [Гэлбрейт 1976]). Тем более если управлять такими корпорациями будут в большей степени неамериканцы и неевропейцы. Попытки же переложить какие-то финансовые тяготы на ТНК приведут к тому, что они будут стремиться уйти от американской и европейской юрисдикции.

III. ЭПОХА НОВЫХ КОАЛИЦИЙ И КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Как уже сказано в первой статье, поскольку экономическая и финансовая глобализация опередили политические процессы, в мире начались процессы «подтягивания» политической составляющей глобализации к экономической. Это во многом объясняет и замедление роста экономики, и бурные события в ряде стран,

и усиление противостояния в мире. Поэтому мы предполагаем, что мир достаточно длительное время будет находиться в весьма турбулентной эпохе с кризисами, усилением напряженности, формированием новых и непривычных союзов [см. об этом: Гринин 2012; см. также: Бреммер 2015].

Переход к новому порядку – это всегда поиск новых комбинаций. Неудивительно, что процесс «подтягивания» политической составляющей также вызвал усиление стремления к поиску новых союзов и партнерств, часто непривычных, нелогичных и неустойчивых (что не отменяет, разумеется, стремления сохранить старые объединения). Это движение захватило даже США, которые стремятся создать сразу три крупнейших экономических коалиции, хотя до этого США считали себя самодостаточными. Этот процесс активного создания различных союзов и комбинаций стран и их объединений мы назвали *эпохой новых коалиций* [см.: Гринин 2009б; 2012]. Этот процесс и станет основанием для формирования нового мирового порядка. Процессы формирования новых комбинаций и поиска новых оснований пойдут более активно после того, как острая фаза борьбы за сохранение гегемонии США в прежнем виде покажет неизбежность и разумность смены курса для этой страны (что уже прослеживается в заявлениях некоторых кандидатов в президенты).

Возможно, наиболее ярким примером процесса создания новых коалиций является БРИКС, который появился первоначально как фантазия экономиста, а затем обрел черты реального союза. При этом участие в этом неофициальном союзе открывает возможность присоединения к другим союзам, таким как ШОС или ЕврАзЭС. Это показывает, что страны будут участвовать в значительно большем количестве различных блоков, союзов и партнерств, чем сегодня, причем комбинации могут быть самыми разнообразными, а также активизируется привлечение новых членов в союзы. В то же время на какой-то период подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие союзы и коалиции порой могут казаться химерическими или эфемерными, что может усилить указанную турбулентность.

По мере осознания того, что начинает формироваться новый мировой порядок, заметнее пойдет конкуренция за то, кто станет направлять процесс его формирования в мире и отдельных регионах. И тем силам, которые будут претендовать на лидерство, придется действовать под лозунгами более справедливого мирового и регионального устройства, для чего, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах. В этом случае характер отстаивания национальных интересов, формы конфликтов постепенно начнут приобретать уже иной вид. Мы надеемся, что после определенного периода «игры без правил» мировая арена все же начнет рассматриваться как общее поле интересов, на котором надо устанавливать и поддерживать приемлемые и выгодные для всех правила игры. А это значит, что в самой концепции внешней политики и постепенно (очень неравномерно) в ее практическом осуществлении откровенное преследование эгоистических интересов государств будет занимать меньше места, чем сегодня⁸. Да, сказанное

⁸ Характерный пример – позиция США по парниковым газам, когда они очень долго отказывались брать на себя какие-то ограничения, а недавно объявили, что готовы взять их; это, естественно, вызывает недовольство бизнеса и его представителей (и сопротивление законодателей). Но важна позиция, выражен-

звучит утопично. Тем более что за последние несколько лет эгоистические подходы и двойные стандарты в политике как будто даже усилились. Однако, возможно, это свидетельствует о том, что мир находится на пути поиска принципов нового устройства. Вероятно, для этого потребуются пережить какие-то катаклизмы (вроде нового экономического кризиса), поскольку именно в кризисные моменты ситуация меняется более активно.

В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм в конце концов постепенно некоторые из новых наднациональных союзов и объединений могут стать из временных постоянными и выработать эффективные формы. В этом же процессе начнут вырабатываться некоторые новые нормы мирового права, о необходимости которых говорят уже в течение нескольких десятилетий [см., например: Гинберген 1980]. Таким образом, в течение некоторого времени принципы мирового порядка должны измениться. А страны, которые будут продолжать в грубой форме отстаивать национальный эгоистический интерес, в конечном счете проиграют. Самой же главной на долгий период останется проблема столкновений и совмещений национальных и наднациональных, групповых и мировых интересов.

IV. ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИЗМЕНЕНИЯМ, НЕОБХОДИМЫМ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ПОРЯДКА

Итак, турбулентная эпоха должна в идеале привести к формированию нового баланса сил, который позволит сформировать новый мировой порядок и выработать его основные принципы. Рассмотрим дополнительно принципы нового порядка.

1. Система глобального влияния

Глобализация как объект регулирования и учета интересов. Мы не рассматриваем вариант, когда новый баланс будет строиться на конфликтном соотношении сил, как это было в годы холодной войны. Это не исключено, но в условиях современной экономики такой порядок был бы крайне неустойчивым, а мировая экономика (тем более финансы) не сможет развиваться в условиях жесткого размежевания. Поэтому именно глобализация, как бы к ней ни относиться, будет экономической основой для продвижения в формировании нового мирового порядка. Но для более устойчивого порядка необходим некий консенсус и опора на принципы компромисса, это: «в одной лодке», «друзья-соперники», «не использовать недопустимых средств» и т. п. То есть в условиях неизбежного соперничества и попыток «перетянуть одеяло на себя» необходимость поддержки какого-то приемлемо устойчивого положения должна рассматриваться в качестве императива.

Поэтому мы полагаем, что хотя бы некоторые процессы глобализации должны стать более оформленными (в писанных или неписанных правилах). Потребуется определенное упорядочение международной финансовой и экономической деятельности (в этом будет заинтересовано большинство стран, осознавших тяжелые последствия экономических кризисов). Здесь, разумеется, откроется большой

ная президентом Б. Обамой, – США должны быть лидерами в «зеленых» технологиях и оставить Землю чистой потомкам.

простор для попыток усилить позиции определенных стран и блоков. Поскольку в процессе глобализации роль ТНК очень велика, каким-то формальным образом должны быть определены и позиции этих корпораций. В целом нам представляется, что, с одной стороны, должна усилиться ответственность корпораций за их влияние. Так, сегодня заявление крупнейшего рейтингового агентства может обрушить валюту, а то и экономику даже крупной страны. Это недопустимо и должно быть ограничено⁹. Но с другой – ТНК могут получить какие-то привилегии и права. Какие, пока неясно, но понятно, что вокруг этого будет довольно длительная и напряженная борьба¹⁰. Еще одним серьезнейшим вопросом станет вопрос о мировой валюте, от решения которого зависит очень многое. Но, по-видимому, здесь движение будет двусторонним. С одной стороны, сохранятся и усилятся попытки развивающихся стран продвигать свои валюты и пытаться усилить их роль в международных органах и пр., а с другой – какие-то мощные финансовые потрясения могут заставить хотя бы частично пересмотреть роль доллара в мире.

Усиление роли наднациональных союзов. О мировых органах. Также представляются вероятными следующие тренды: а) рост значения наднациональных организаций в представлении интересов своих членов на мировой арене; б) некоторое упорядочение процесса трансформации национального суверенитета (в чем-то он сократится, в чем-то усилится), так что национальное государство останется ведущим субъектом международного процесса, но вынуждено будет уже сосуществовать с другими субъектами: наднациональными и транснациональными; в) возникновение *смешанного характера «концерта» мировых игроков* в виде государств, их различных союзов, а возможно, и каких-то отдельных корпораций или организаций (подобно тому как в средневековых парламентах и органах были представлены сразу и территории, и корпорации, и города, и знатные люди и т. п.).

Если такого рода наднациональные союзы получают определенные возможности влиять на ситуацию в мире, тем более формальное право голоса на международных форумах, то это, с одной стороны, вызовет большее желание вступать в них, с другой – более тесно сплотит членов внутри них¹¹.

Разумеется, встает вопрос о каких-то новых мировых институтах, которые бы позволяли претворять новые принципы в жизнь. При этом хотя старые мировые органы вряд ли смогут играть соответствующую роль, в то же время они в малой

⁹ В настоящий момент начались ограничения, связанные с попытками США и ряда других стран поставить ТНК под национальный контроль, в том числе в связи с выплатой налогов, уводом денег, требованиями к соблюдению запретов, санкций и пр. Но речь должна идти о международных правилах.

¹⁰ Так, сегодня США, насколько можно понять из довольно ограниченной информации, в новых транснациональных союзах пытаются придать ТНК статус международных игроков де-юре (давая им возможность оспаривать решения национальных государств и их органов). Но многие этого опасаются, считая, как В. Катасонов [2015], что это отдаст европейцев под власть американских ТНК. Хотя, как мы уже говорили, в конечном счете попытки США рассматривать ТНК как орудия своего влияния приведут к кризису, получится, что ТНК будут благоденствовать, а экономика США – ослабевать.

¹¹ Не исключено также, что для усиления тех или иных блоков может быть использована практика США по привлечению наиболее энергичных людей с предоставлением им гражданства, вида на жительство и т. п. При этом, возможно, появится новая форма предоставления подобных прав и без переезда, например, те, кто работает на аутсорсинге, смогут получить эти права и на удалении. Отсюда возможно обрастание метрополии периферийными гражданами, постепенная трансформация демократии и гражданства, а также и суверенитета.

долей вероятности будут демонтированы. Скорее новые институты будут создаваться параллельно¹².

Новый мировой «концерт»? Итак, с одной стороны, система участников международной арены начнет постепенно трансформироваться, причем в сторону наднациональных акторов. С другой – разумеется, в ближайшие десятилетия трудно рассчитывать, что удастся создать систему, в которой все могли бы эффективно участвовать. Именно поэтому сокращение представительства за счет наднациональных объединений могло бы стать эффективным путем. Но в любом случае основную роль стали бы играть наиболее крупные наднациональные объединения и государства (последние могли бы быть представлены и самостоятельно, и в голосах объединений).

Если новый порядок не будет ни однополярным, ни двуполярным, то соответственно, скорее всего, он будет представлять собой некий коллектив крупнейших игроков (стран и союзов). Что-то вроде G-х, то есть объединение трех – пяти – семи или более крупнейших держав и блоков, которые смогут каким-то образом устроить новый порядок (например, США вкупе с Тихоокеанским партнерством или с каким-нибудь блоком, ЕС, Китаем, Индией, Россией; либо последние будут представлены также БРИКСом, естественно, расклад сил может быть самым разным). То есть возникнет некий новый мировой «концерт» государств и надгосударственных союзов (современный аналог «Европейского концерта» первой половины XIX в., о котором шла речь в первой статье). Разумеется, всякого рода конфликты и коллизии всегда будут иметь место, но все же наиболее крупным игрокам договориться проще. А чтобы порядок держался, тренд должен идти в сторону институционализации этого «концерта» (возможно, с учетом опыта ООН, но более эффективного, что-то вроде права вето, несколько уровней участия с разными правами; возможно, создание какого-то валютного блока).

2. О принципах нового мирового порядка

Новый мировой порядок потребует достаточно устойчивого баланса сил и интересов, новых моделей наднационального управления и координации мировых процессов. Для этого необходимы новые принципы, которые уменьшили бы противостояние и стимулировали сотрудничество. Попробуем их сформулировать.

1) Плюрализм политических режимов, то есть признание: а) правомерности и легитимности всех режимов; б) идеи, что любой режим (включая и демократический) имеет свои плюсы и минусы; в) ценности плюрализма режимов (подобно плюрализму религий).

2) Отказ от насильственного навязывания институтов (в том числе насаждения демократии).

Комментарий. Для выработки нового мирового порядка и моделей развития плюрализм режимов имеет важное эволюционное значение, обеспечивая необходимое разнообразие. Не доказано, что именно демократические принципы являются наилучшими. Напротив, демократия в рамках глобализации может оказаться

¹² В целом упадок международных организаций наблюдается в самых разных сферах (включая международные суды, трибуналы, МАГАТЭ, авиационные организации и т. д.), так как они все более становятся инструментом глобального влияния США. В последние пару лет даже спортивные организации стали объектом давления. Вероятно, эта тенденция некоторое время сохранится, что также создаст потребность в обновлении органов и принципов.

ущербной и нестабильной. Только соревнование разных режимов позволит найти лучшие модели для будущего. Отказ от признания демократии универсальным строем для всех и от навязывания демократии любой ценой может стать важной частью создания общего поля интересов и правил. Необходимо признать, что демократия подходит далеко не для всех случаев (тем более в регионах, где не сложились крепкие нации и государства, сильно влияние религии, имеются многонациональность и многоконфессиональность). Борьба с бедностью, болезнями, смертностью, неграмотностью, вопиющей несправедливостью наряду с экономическим развитием неизбежно приведут к большому прогрессу в области семейных и иных отношений даже в регионах с сильным влиянием ислама. То есть для этого демократии не требуется, тем более что уже есть уже общепринятые декларации, которые ведут к улучшению позиций женщин, детей и прочему.

3) Признание ценности стабильности, порядка, легитимности и отказ от инспирирования внутренних революций. Это означает, что: а) социальный порядок, гарантия безопасности и экономический рост даже в условиях авторитаризма признаются более важными, чем формальные демократические права; б) поддержка антиправительственных выступлений, грозящих анархией и свержением правительства (и тем более подстрекательство к свержению режима), может осуществляться только в исключительных случаях.

4) Жесткое ограничение и регламентация использования санкций. Применение санкций должно быть жестко ограничено и введено в строгое процедурное русло (причины, случаи, доказательства, переговоры, прецеденты и пр.)¹³.

5) Отказ от использования и запрет глобальных экономических, финансовых, рейтинговых, информационных и иных инструментов в качестве орудий национальной внешней политики.

6) Гарантии государственных границ, ограничения всякого рода сепаратных движений, под какими бы лозунгами они ни проводились. Это существенно уменьшило бы международные трения.

7) Отказ от навязывания новых этических и правовых стандартов (особенно в сфере половых и семейных отношений) и дискриминации под этим предлогом.

Очевидно, что само по себе признание принципов не гарантирует их выполнения, но важно уйти от сегодняшней практики, когда идеалы демократии, борьбы с коррупцией или прав человека используются как таран в геополитической борьбе. И важно, чтобы уменьшение жесткого противостояния в обществах и в мире, равно как увеличение возможностей для сотрудничества, стало приоритетом.

3. Некоторые предположения о принципах и механизмах формирования и существования нового порядка

Поиск новых форм и принципов организации – это сложный эволюционный процесс, в рамках которого постепенно выкристаллизуются наиболее перспективные формы для нового типа отношений и союзов. Поскольку многие из этих союзов окажутся очень неустойчивыми, будет некий естественный отбор принципов и форм, а равно идеологии и иных вещей. Выскажем некоторые идеи

¹³ Если санкции – единственный «выбор между плохим и худшим» [Чумаков 2015; см. также: Чумаков 2014], в условиях сложных отношений в глобальном мире, где нельзя довести дело до войны, они приемлемы. Но если санкции – это часть гибридной войны, цель которой не найти компромисс, но повергнуть противника, они становятся малопримлемыми.

о возможных формах и принципах объединения в наднациональных союзах (с учетом того, что никакой унификации здесь быть не может).

Кризис демократии и неизбежный поиск новых форм управления. Демократия, имея определенные преимущества в национальном масштабе (но далеко не везде и не всегда), может их утратить в рамках наднациональных образований. Например, европейское объединение, прежде казавшееся образцом, в настоящее время таковым уже не выглядит, так как выявились серьезные проблемы. В частности, сверхдемократические процедуры и требование консенсуса создают противоречивость управления де-юре и де-факто (в последнем случае более сильные государства «выкручивают руки» более слабым¹⁴, но в то же время с помощью последних какие-то силы могут влиять на ситуацию в рамках всего союза). Поэтому представляется, что принцип демократии может стать лишь частью (и не всегда ведущей) механизма создания такого рода органов. Тем не менее опыт ЕС крайне ценен (важно, в частности, понять, насколько работают принципы убывающей пропорциональности или совмещения интересов малых и крупных членов).

Повышение роли экспертов. Эксперты и демократия. Отказ от демократии как ведущей формы наднационального управления требует каких-то новых форм. Одно из предположений – рост роли экспертов и их органов. Уже сейчас де-факто их возросшая роль порой очень велика, например в показателях рейтинговых агентств. Поэтому не исключена трансформация движения в сторону чего-то, подобного *экспертотократии* (подобно тому как повысилась роль управляющих корпораций в 1920–1930-е гг. [Burnham 1941]). Соответственно могут возникнуть и формальные органы экспертов, которые начнут играть политическую роль. Например, экспертов выдвигали бы по их заслугам от национальных академий или иных научных и специальных учреждений (собраний), либо выбирали бы после первичного отбора среди коллег. Смысл таких собраний экспертов – в проведении экспертизы (непосредственной или с помощью соответствующих экспертных организаций) и научного анализа различных актов, решений на предмет их соответствия достижениям науки. Сегодня многие решения принимаются на эмоциональной основе, без расчетов и понимания последствий (те же климатические или энергетические законы, законы, связанные с регулированием медицинского и иного воздействия на организм, воспитанием детей, воздействием на общество информации разного рода и т. п.). Также важно учитывать постоянные изменения в развитии науки и технологий, которым может потребоваться регулирование. При неизбежной ограниченности (и возможной ангажированности) решения экспертов все же будут более взвешенными, более отвечающими уровню современного общества. Таким образом, эксперты станут чем-то вроде еще одной ветви власти, их роль возрастет, а положение экспертных организаций отдаленно будет напоминать правила цехов и гильдий в позднее Средневековье.

Эксперты в отличие от политиков имеют другую природу авторитета, поэтому могут действовать без оглядки на избирателей и общество. Кроме того, эксперты транснациональны в отличие от политиков. Эксперты разных наций (если у

¹⁴ При этом ряд новых членов ЕС становится источником миграции для крупных игроков и рынком для сбыта их товаров, в результате чего национальные экономики деградируют. Это весьма вероятно в любом объединении, и потребуются большая работа и тяжелый опыт, чтобы найти формы, которые бы оптимизировали интересы крупных и мелких игроков в одной команде.

них одна методика) нередко ближе друг к другу, чем к представителям своей нации, не имеющим образования.

Реплика в заключение. Есть и еще один аспект, который стоит затронуть в указанной связи. Довольно странно, но политика при демократии остается едва ли не единственной областью, где к профессионалам не предъявляются некоторые требования, например, к специальному образованию. Есть множество профессий (врач, юрист, генерал и т. д.), где без специального образования вообще невозможно заниматься данным делом. Даже у менеджеров есть специальное образование, хотя и не стопроцентно обязательное. Однако политик может вообще не иметь образования. Если вдуматься, это нонсенс, фактически общество страхует себя от врачей-шарлатанов, юристов-непрофессионалов, но позволяет руководить собой непрофессионалам-политикам. И если сравнить вред от непрофессионализма врача или политика, масштаб несравним. Однако именно демократический строй является главной причиной того, что сохраняется крайне архаичный способ рекрутирования политиков, вершащих судьбы мира. Политиков, которые не стыдятся своего невежества. В то время как для чиновников нижнего звена требуется специальное образование. Было бы неплохо, если бы начался процесс профессионализации политиков. Развитие профессионализма в политике приведет к тому, что возможность прийти к власти на волне народной популярности будет ограничена, потребуется также определенный профессионализм, как и в армии.

* * *

Таким образом, есть много оснований думать, что баланс сил в течение ближайших трех-четырёх десятилетий существенно изменится в мире в целом в пользу всех или ряда стран, которые сегодня считаются развивающимися. Рано или поздно начнется движение в сторону общемирового управления (принятия каких-то общих решений). И десятикратное превосходство в населении (каковое появится примерно к 2050 г.) окажется сложно игнорировать. И если в общих форумах каким-то образом будет учитываться численность населения стран, тогда развивающиеся страны получат определенное преимущество.

В целом впереди нас ждут сложные и беспокойные годы, в течение которых будет формироваться баланс между разными странами и союзами, но в то же время это будет период серьезных перемен, закладывающих базу под структуру будущего мирового порядка. И необходимо, с одной стороны, постоянно работать над тем, чтобы интересы России были бы максимально учтены в этой новой конструкции, а с другой стороны, чтобы Россия в свое политике опиралась на новые тенденции.

Литература

Бреммер И. Чего мы ждем от США? // ИноСМИ. 2015. 16 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://ino.smi.ru/world/20150616/228614822.html>.

Галищева Н. В. 2014. Приоритеты внешнеэкономической политики Индии // Азия и Африка сегодня. 2014. № 10; № 11.

Глазьев С. 2015. Окно в Азию // Военно-промышленный курьер: в 3 ч. [Электронный ресурс]. URL: <http://vpk-news.ru/articles/25975>; <http://vpk-news.ru/articles/26087>; <http://vpk-news.ru/articles/26190>.

Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2015. Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций) // Философия и общество. 2015. № 1. С. 17–47.

Гринин Л. Е. 2008. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. 2008. № 1. С. 86–97.

Гринин Л. Е. 2009а. Глобальный кризис как кризис перепроизводства денег // Философия и общество. 2009. № 1. С. 5–32.

Гринин Л. Е. 2009б. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? // Век глобализации. 2009. № 2. С. 117–140.

Гринин Л. Е. 2012. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего) // История и современность. 2012. № 2. С. 3–27.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2015. Глобальное старение населения, шестой технологический уклад и мировая финансовая система // Кондратьевские волны: наследие и современность: ежегодник / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко. Волгоград : Учитель. С. 107–132.

Гэлбрейт Дж. К. 1976. Экономическая теория и цели общества. М. : Прогресс.

Тинберген Я. 1980. Пересмотр международного порядка. М. : Прогресс.

Катасонов В. 2015. Трансатлантическим партнерством США загоняют европейцев в рабство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nakanune.ru/articles/111009/>.

Кругман П. 2013. Развитые страны не могут обанкротиться [Электронный ресурс]. URL: <http://lcmmedia.com.ua/news/pol-krugman-razvityie-stranyi-ne-mogut-obankrotitsya-6278>.

Чумаков А. Н. 2014. «Мягкая сила» как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации. 2014. № 2. С. 192–195.

Чумаков А. Н. 2015. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2. С. 35–47.

Burnham J. 1941. The Managerial Revolution. New York : Van Rees Press.

Grinin L. E., Ilyin I. V., Andreev A. I. 2016. World Order in the Past, Present, and Future // Social Evolution & History. 2016. Vol. 15 No. 1. Pp. 60–87.

Hedges C. 2015. The Most Brazen Corporate Power Grab in American History. URL: http://www.truthdig.com/report/item/the_most_brazen_corporate_power_grab_in_american_his.